ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „Иллюстрированнымъ Биржевымъ Вѣдомостямъ".

№ 39 Ноябрь 1905 г. № 39

Николаевскій вокзалъ. — „Поѣздъ, можетъ быть, пойдетъ".

Изъ воспоминаній о М. И. Драгоміровѣ.

Только немолчнымъ вихремъ событій послѣдняго времени, событій такой исполинской важности, легко объяснить, что какъ-то безслѣдно прошла и въ печати, и въ обществѣ смерть генерала Драгомірова, безспорно одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей старой Россіи вообще и генераловъ въ частности.

Это была крупная, глубоко самобытная фигура, которую нельзя было подогнать ни къ одному шаблону. Громадный искрящійся умъ, одинъ изъ лучшихъ европейскихъ тактиковъ и честный въ широкомъ разностороннемъ значеніи слова человѣкъ и солдатъ,—Драгоміровъ на фонѣ русскаго сановничества, изворовавшагося, изолгавшагося, исподличавшагося въ холопствѣ и мелкихъ личныхъ интригахъ, на этомъ печальномъ и мрачномъ фонѣ, онъ былъ свѣтлымъ, горѣвшимъ ярко одинокимъ пятномъ.

Его сочиненія, такой дорогой вкладъ въ военную литературу, переведены на всѣ европейскіе языки. Его приказы, печатавшіеся въ „Развѣдчикѣ", выписывались даже въ Америку. Даже въ высшей степени партикулярные люди читали съ удовольствіемъ эти сжатые, образные, толстовскимъ языкомъ написаные, приказы.

Трудно найти болѣе цѣльный характеръ. Всегда и во всемъ онъ оставался самимъ собою, такъ не похожимъ на другихъ.

Я видѣлъ его на маневрахъ, видѣлъ его на смотрахъ полковъ, бригадъ и дивизій.

Чѣмъ выше генералъ, — тѣмъ дальше онъ отъ солдатъ. Всѣмъ извѣстенъ шаблонъ, по которому корпусные командиры и начальники округовъ производятъ смотры. Продефилируетъ пѣхота, кавалерія, нѣсколько равненій, два-три замѣчанія по поводу аммуниціи, нечистой шагистики—и смотръ—съ какимъ трепетомъ готовились **къ нему!** — **конченъ.**

На Волыни Драгоміровъ смотрѣлъ старооскольскій пѣхотный полкъ. Черными рядами вытянулись солдаты и, громко поздоровавшись съ начальникомъ округа, замерли. Грузный, въ очкахъ и казацкихъ опущенныхъ внизъ усахъ, Драгоміровъ тяжело слѣзъ съ коня. Онъ подошелъ близко къ правофланговому солдату и приложилъ къ его груди ладонь. Затѣмъ по второму, третьему и такъ онъ обошелъ всю колонну. Съ почтительнымъ недоумѣніемъ слѣдили за дѣйствіями начальства полковой командиръ, офицеры и адъютанты.

Драгоміровъ подошелъ къ полковнику и протянулъ ему руку.

— Благодарю и васъ, полковникъ, и васъ, господа офицеры. Вижу, что вы хорошо обращаетесь съ солдатами, не запугиваете ихъ. Всѣ спокойны. Ни у одного сердце не бьется.

Солдаты знали, что Драгоміровъ любитъ ихъ, и въ свою очередь боготворили его.

О, еслибъ на него хоть немножко походили Штакельберги, Алексѣевы, Стессели и прочіе доблестные герои минувшей войны! Воображаю, въ какой ужасъ пришелъ Драгоміровъ, когда узналъ, что Алексѣевъ, желая прохлады, обкладывалъ крышу своего вагона льдомъ, тѣмъ самымъ льдомъ, въ которомъ такъ нуждались раненые. А Штакельберговская корова, которая забрела къ японцамъ и которую было приказано отбить? Корову отбили, но цѣною полуроты, павшей подъ японскими выстрѣлами.

Строго, неумолимо преслѣдовалъ Драгоміровъ процвѣтавшіе въ войскахъ казнокрадство и хищеніе. Осматривая кавалерійскія казармы, онъ первымъ дѣломъ шелъ въ конюшни узнать,—чѣмъ питаются лошади, и,—по его словамъ,—кто ѣстъ овесъ: эскадронный командиръ или кони.

Одному эскадронному командиру онъ замѣтилъ:

— Ротмистръ, у васъ не лошади, а скелеты. Что это значитъ?

— Не могу знать, ваше высокопревосходительство, ужъ чего я только ни дѣлалъ, какихъ мѣръ ни перепробовалъ...

— Попробуйте еще одну, крайнюю. Попробуйте давать имъ овса. Говорятъ, это помогаетъ...

Драгоміровъ былъ первымъ, издавшимъ приказъ, чтобъ офицеры и фельдфебели не смѣли бить солдатъ. Запрещалось подходить къ солдату ближе, чѣмъ на два шага.

На Волыни директоръ Ровенскаго реальнаго училища, помѣшанный на томъ, чтобы ученики маршировали и дѣлали ружейные пріемы, узнавъ, что въ городѣ командующій войсками, пригласилъ его въ училище и выстроилъ первые классы въ двѣ шеренги.

Драгоміровъ въ своей сѣрой барашковой шапкѣ, весь въ орденахъ и звѣздахъ, улыбался сквозь очки своими умными, не безъ тонкаго лукавства глазами.

И вмѣсто шагистики и ружейныхъ артикуловъ, онъ добродушно сказалъ ученикамъ:

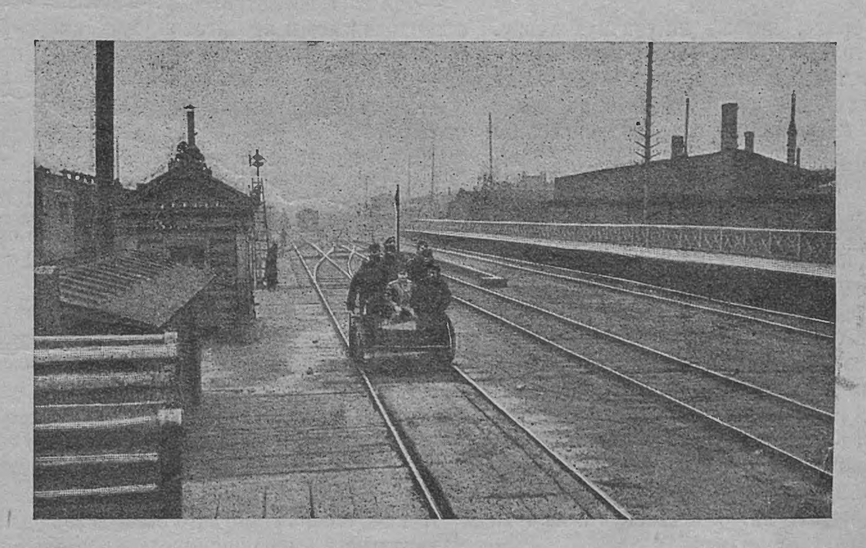
— А ну, поборитесь, дѣтки!

Директоръ—и по дѣломъ!—почувствовалъ себя сконфуженнымъ.

Идетъ какъ-то Драгоміровъ по Крещатику и видитъ, что офицеръ умышленно не отдалъ чести откозырявшему ему солдатику.

— Поручикъ, стойте! И ты поди сюда!

И онъ заставилъ, чтобъ солдатъ нѣсколько

По Николаевской желѣзной дорогѣ. — Развозъ провизіи по линіи охраны.

Недавніе дни въ С.-Петербургѣ.

Съ фотографій К. К-ра, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

разъ прошелъ мимо офицера и чтобъ офицеръ отдавалъ ему честь.

Что-то симпатичное, милое было въ чудаковатости Драгомірова.

Тоже Крещатикъ. Встрѣчаетъ онъ кавалерійскаго офицера, у котораго неформенныя шпоры. Мало того, онѣ—звѣздчатыя, самымъ варварскимъ образомъ терзающія лошадь.

— Штабсъ-ротмистръ! За то, что ваши шпоры не по формѣ, потрудитесь отсидѣть двѣ недѣли на гауптвахтѣ.

— Ваше высокопревосходительство, но и у васъ тоже шпоры не по формѣ.

— Да, дѣйствительно! Ахъ я, старый дуракъ, ахъ я, такой, сякой! Вѣдь, мнѣ, старому дураку, мѣсяца мало отсидѣть за это. Такъ вотъ что, голубчикъ: отсидите вы и за меня еще мѣсяцъ.

Были въ кіевскомъ университетѣ волненія. Драгоміровъ получилъ изъ Петербурга приказъ пустить въ дѣло войска. Трагикомическій приказъ исторгнулъ у Драгомірова классическую телеграмму:

— Все готово. Пушки наведены. Непріятеля не нашли.

Въ своей потребности говорить всѣмъ въ глаза рѣзкую правду Драгоміровъ не останавливался ни передъ чѣмъ. Типичная черта потомка запорожцевъ. Недаромъ Рѣпинъ увѣковѣчилъ его на своей знаменитой картинѣ.

Въ самыхъ высокихъ сферахъ Петербурга—выше некуда—спросили Драгомірова, какъ онъ смотритъ на назначеніе Клейгельса кіевскимъ генералъ-губернаторомъ. Со своей хохлацкой усмѣшкой онъ отвѣтилъ:

— Что-жъ? Назначеніе прекрасное. Клейгельсъ—не дуракъ, не воръ и даже фамилія у него русская.

Какъ извѣстно, Гурко былъ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, Драгоміровъ—кіевскимъ. И оба хотѣли имѣть у себя начальникомъ штаба Пузыревскаго, какъ человѣка умнаго и даровитаго. Пузыревскій предпочелъ Гурко въ надеждѣ, что тамъ, въ Варшавѣ, онъ будетъ самостоятельнѣй. Драгоміровъ затаилъ недовольство и ждалъ удобнаго случая. Случай представился, по крайней мѣрѣ, Драгоміровъ считалъ его удобнымъ случаемъ. Онъ встрѣтилъ Пузыревскаго на придворномъ балу. Пузыревскій хотѣлъ избѣжать Драгомірова, но полный въ прямомъ и переносномъ значеніи слова генералъ шелъ прямо на него. Окружающіе почувствовали, что пахнетъ чѣмъ-то особеннымъ, чисто драгоміровскимъ.

И громко, во всеуслышаніе, — все замерло на мгновеніе — Драгоміровъ бросилъ Пузыревскому:

— Ты, братъ, похожъ на уличную дѣвку. Идешь къ тому, кто тебѣ больше даетъ.

Если-бъ тщательно собрать всѣ крылатыя слова Драгомірова, его bons mots, играющіе юморомъ, какъ шампанское, получились бы цѣлыя книги.

Про одного блистательнаго моряка Драгоміровъ сказалъ:

— Вы знаете, почему онъ не утонулъ? Потому, что получилъ воспитаніе въ „Акваріумѣ".

Драгоміровъ отлично зналъ способности всѣхъ нашихъ мало-мальски замѣтныхъ генераловъ. Большая ошибка, что съ нимъ не совѣтовались. Онъ говорилъ, что Штакельбергъ никуда не годится, но у Штакельберга были связи и его послали. Какъ на способнаго генерала, Драгоміровъ показывалъ на Зарубаева, но потому, что онъ былъ способный, Зарубаева держали въ черномъ тѣлѣ и не дали развернуться.

Онъ же далъ прекрасную сжатую характеристику Куропаткину:

— Талантливый воинъ, но маленькій человѣкъ. Тамъ, на манчжурскихъ поляхъ, онъ будетъ думать не о благѣ родины и не о побѣдѣ, а о томъ, какія интриги ведутся противъ него въ Петербургѣ.

Дряхлый семидесятипятилѣтній старикъ рвался на войну и тосковалъ, что ему не удалось поѣхать.

Не гибкой спиной и шеей, не умѣньемъ ходить по паркету создалъ Драгоміровъ свое положеніе, а умомъ и сердцемъ.

Боже, какъ это рѣдко бывало! Быть можетъ, теперь, въ новой Россіи, будетъ по другому. Будутъ цѣнить и выдвигать людей, а не прихвостней со связями, съ мѣдными лбами и гутаперчевыми торсами.

***

„Недородъ" и „Недоѣданіе".

(Изъ лѣтописи недавняго голоднаго года).

I.

„Смягчительное словечко".

— Просто ума не приложу, какъ быть?..— хватаясь руками за свою лысую голову и безпокойно бѣгая по комнатѣ, говорилъ нашъ исправникъ.—И чего имъ тамъ надобно?.. Написалъ вѣдь все, какъ есть на самомъ дѣлѣ... А они назадъ сюда: „Покорнѣйше просимъ тщательно провѣрить присланныя свѣдѣнія"... А чего ихъ провѣрять?.. Все, какъ на ладони, чисто...

Мнѣ не хотѣлось ничего отвѣчать. Я только-что пріѣхалъ изъ уѣзда, усталый, разбитый и съ массой самыхъ гнетущихъ впечатлѣній.

Вездѣ, куда ни кинь взоръ, всюду безотрадно.

— Неурожай... Полный неурожай...—говорили мнѣ и помѣщики, и мужики, съ которыми приходилось говорить.

И затѣмъ каждый выкладывалъ то, что у него наиболѣе наболѣло.

— Нечѣмъ будетъ процентовъ въ банкъ внести,—говорилъ помѣщикъ.

— Кормиться нечѣмъ будетъ зиму,—говорилъ мужикъ.—А ужъ недоимокъ сколько скопится!..

И съ отчаяніемъ махалъ рукой.

И у меня, уѣзднаго жителя, жившаго радостью уѣзда и печаловавшагося его горестями, сжималось отъ боли сердце.

— О чемъ вы?—повертывая голову, спросилъ я исправника, все еще бѣгающаго по комнатѣ и не могущаго успокоиться.

— Да вотъ, посмотрите-ка...—сказалъ онъ, останавливаясь и протягивая мнѣ какую-то бумагу.

— Что это?

— Отъ губернатора,—со злостью отвѣчалъ онъ.

Дѣло было въ слѣдующемъ.

Губернское начальство запросило исправника о положеніи посѣвовъ и травъ, „сколько ихъ имѣетъ собраться къ осени", и каково будетъ продовольственное положеніе уѣзда зимою?

Нашъ исправникъ, совершенно случайно попавшій на эту должность изъ офицеровъ и не успѣвшій еще научиться держать носъ по вѣтру, описалъ все, какъ было на самомъ дѣлѣ, нисколько не преувеличивая и не умаляя положенія дѣла, и высказалъ мнѣніе, что зимою положеніе населенія уѣзда будетъ отчаянное.

И вотъ, теперь эта бумага была возвращена назадъ, что и было причиною отчаянія исправника.

Услыхавъ объ этомъ, я невольно разсмѣялся надъ такой „наивностью" нашего уѣзднаго „сатрапа".

— Развѣ вы не знаете болѣе мягкаго слова, чѣмъ этотъ ужасный „полный неурожай", который къ тому же у васъ чуть не на каждой строчкѣ стоитъ. Вѣдь этимъ „ужаснымъ" словомъ вы хоть кого смутите.

Исправникъ пересталъ бѣгать и воззрился на меня.

— Что же тутъ дѣлать?—спросилъ онъ.— Чего имъ надобно?

Я молча пожалъ плечами, такъ какъ и самъ не зналъ этого.

— Кто же ихъ знаетъ?—отвѣчалъ я.—По всей вѣроятности, надобно смягчить это словечко.

Исправникъ даже подпрыгнулъ на мѣстѣ.

— Такъ вотъ я что сдѣлаю: напишу „маленькій неурожай",—воскликнулъ онъ.—Ладно будетъ?

Я невольно разсмѣялся.

— Ну, чтожъ, быть можетъ, это лучше будетъ,—согласился я.

Исправникъ такъ и сдѣлалъ. Бумага была „исправлена": „полный неурожай" превратился въ „маленькій неурожай".

Исправникъ отправилъ бумагу и успокоился.

Но черезъ нѣсколько дней она приходитъ назадъ съ той же „покорнѣйшей просьбой", но уже выраженной въ болѣе настойчивой формѣ, съ совѣтомъ лично все провѣрить.

Нашъ исправникъ впалъ въ еще большее отчаяніе.

— Вѣдь подумайте, чѣмъ это пахнетъ... Еще одна такая бумажка,—и меня по шеѣ... Фьють!.. А что я стану дѣлать съ женой и съ кучей дѣтей? Да и старъ я къ новой службѣ привыкать...

И онъ опять забѣгалъ по комнатѣ.

И вдругъ остановился, какъ столбъ, съ застывшимъ лицомъ, какъ будто осѣненный какой-то мыслью.

— А знаете что?..—воскликнулъ онъ.—Напишу-ка я вмѣсто всякихъ тамъ неурожаевъ просто „недородъ"...

Я тоже былъ пораженъ не менѣе его этимъ.

Въ самомъ дѣлѣ: „маленькая" замѣна одного слова другимъ, а этимъ бумага значительно измѣняется,—и нашъ исправникъ реабилитируетъ себя черезъ это въ глазахъ своего начальства.

Онъ до того былъ ошеломленъ этимъ своимъ открытіемъ, что затѣмъ первое время ничего не могъ говорить, а затѣмъ побѣжалъ домой, должно быть, передѣлывать бумагу и употребить тамъ „настоящее" слово.

Исправленная въ такомъ видѣ бумага ушла въ губернію и уже болѣе оттуда назадъ не возвращалась.

II.

Нѣсколько времени спустя я былъ въ губернскомъ городѣ и случайно встрѣтился на улицѣ съ однимъ знакомымъ, служившимъ въ канцеляріи губернатора.

— Вы это что же нашему исправнику дважды его бумагу назадъ возвращали? спросилъ я въ разговорѣ его.—Вѣдь онъ тамъ назвалъ положеніе вещей настоящимъ ихъ словомъ, одну правду написалъ.

Щеки моего знакомаго вдругъ вспыхнули, точно нашъ исправникъ своей бумагой нанесъ ему личное оскорбленіе.

— А по вашему, это какъ называется,— вдругъ вскипѣлъ онъ.

— По моему, это называется писать правду, —отвѣчалъ я.

— Да, „правду писать"... — язвительно отвѣчалъ онъ.—А по нашему...

— А по вашему?

— А по нашему—недостатокъ такта.

— Ну, это еще не велика бѣда, что у него такта не хватаетъ.

— Да, я это только между нами говорю,—

вдругъ сухо оборвалъ онъ.—А на самомъ-то дѣлѣ у васъ тамъ никакого неурожая нѣтъ.

— То есть, какъ это нѣтъ?—удивленно спросилъ я.—Да вѣдь я же своими глазами все видѣлъ...

Собесѣдникъ усмѣхнулся.

— Ну, это преувеличеніе: никакого, повторяю, неурожая тамъ нѣтъ, а вотъ только легонькій недородъ. То есть, то самое явленіе, что почти каждый годъ бываетъ въ нашихъ краяхъ. А всѣ эти крики о неурожаѣ, о имѣющемся наступить голодѣ есть не что иное, какъ агитація неблагонадежныхъ элементовъ. И вашъ исправникъ хорошо сдѣлалъ, что, въ концѣ концовъ, замѣнилъ „неурожай“ на „недородъ“. У насъ имѣются донесенія изо всѣхъ уѣздовъ губерніи и именно о „недородѣ“, а тутъ вдругъ „неурожай“! Ну, и возвратили ему назадъ... для болѣе точнаго обслѣдованія.

— Но,—послушайте:—неужели у васъ тамъ, въ административныхъ сферахъ, серьезно убѣждены, что въ нашей губерніи только „недородъ“, а не неурожай?—воскликнулъ я.

— Конечно, у насъ убѣждены въ этомъ,—твердо отвѣчалъ собесѣдникъ.—Да если бы и на самомъ дѣлѣ былъ неурожай, то изъ него необходимо было бы сдѣлать недородъ.

— По соображеніямъ такта?—не утерпѣвъ, сказалъ я.—Но, вѣдь, зимою крестьянину нечего будетъ ѣсть. Онъ будетъ голодать.

— Ну, и пусть его голодаетъ себѣ на здоровье. Но только втихомолку, безъ крика и шума, не обращая на себя ничьего вниманія. Тишина—дѣло великое,—продолжалъ юный администраторъ.—Вотъ, погодите, если когда-нибудь сами будете у власти, такъ оцѣните значеніе ея. А что касается до мужика, такъ ему, вѣдь, голодать-то не въ диковину,—докончилъ онъ съ циничнымъ смѣшкомъ.

Я стоялъ, пораженный всѣмъ этимъ.

А въ это время оттуда, гдѣ была столь желанная администраціи тишина, раздавались тихіе стоны отчаянія голодныхъ людей, начинали разливаться по тѣлу цынготныя, ужасныя петехіи, кое-гдѣ появлялся тифъ...

Но тамъ было тихо: „смягчительное словечко“ дѣйствовало на общество, и никто объ этомъ не зналъ и не догадывался.

III.

— Послушайте,—сказалъ я знакомому секретарю редакціи, который, какъ это бываетъ повсюду въ провинціи, исполнялъ обязанности фактически редактора.—Почему вы не напечатали мою корреспонденцію о неурожаѣ въ нашемъ уѣздѣ?

Секретарь, не говоря ни слова, вынулъ изъ стола пачку газетныхъ гранокъ и подалъ мнѣ ихъ.

Это было кладбище газеты: всѣ гранки были перечеркнуты краснымъ карандашемъ цензора.

— Не найдете-ли вы тамъ, въ числѣ „упокойничковъ“, и своей корреспонденціи?—съ усмѣшкой спросилъ секретарь.

Конечно, я нашелъ тамъ и своего „упокойничка“: корреспонденція цѣликомъ была перечеркнута, и внизу стояла приписка цензора:

„По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, неурожая въ нашей губерніи нѣтъ, а имѣется лишь недородъ“.

— Вы поняли теперь, почему не пошла ваша корреспонденція?—смѣясь, спросилъ секретарь.—Развѣ можно такія страшныя слова, какъ „неурожай“, вслухъ говорить? Нашъ цензоръ—даромъ, что университетскій профессоръ—а такихъ „страшныхъ“ словъ, какъ замоскворѣцкая купчиха „жупела“, боится. Изъ-за этого „неурожая“ у меня вонъ какое кладбище образовалось.

И онъ потрясъ въ воздухѣ пачкой „упокойничковъ“.

Даже и послѣ, когда неурожай уже оффиціально былъ „признанъ“, нашъ цензоръ попрежнему вычеркивалъ это слово изъ газетныхъ статей, какъ, напримѣръ, онъ вычеркнулъ его изъ одного моего совершенно невиннаго и ни въ коемъ случаѣ не претендующаго на „потрясеніе основъ“ разсказа. Тамъ тоже неурожай былъ замѣненъ „недородомъ“, и еще редакторъ сказалъ:

— Еле-еле вашъ разсказъ былъ проведенъ, и все изъ-за этого проклятаго слова.

А между тѣмъ, этотъ цензоръ былъ профессоромъ университета, гдѣ читалось какое-то „право“, и, навѣрное, съ каѳедры провозглашалъ принципы святости гласности и почтенія къ печатному слову.

IV.

Въ началѣ зимы, когда голодъ началъ разыгрываться „во-всю“, мнѣ пришлось встрѣтиться на желѣзной дорогѣ съ одной знакомой барышней, дѣвушкой съ рѣдко-чуткой и отзывчивой душой.

— Скучно что-то,—сказала она между прочимъ въ разговорѣ.—Живешь-живешь, а все безъ всякаго интереса.

У меня мелькнула мысль.

— Такъ вы чего же не ѣдете къ намъ въ деревню? спросилъ я. Она вскинула на меня съ удивленіемъ глаза.

— Что же я тамъ стану дѣлать? спросила она.

— Какъ, что?—удивился я. Да вѣдь у насъ голодъ. Вы, молоды, энергичны и можете много облегчить положеніе голодающихъ и больныхъ.

— Да какой же у васъ тамъ голодъ? съ сомнѣніемъ сказала она. Развѣ недородъ можетъ создать голодъ?

— Да вы что, не вѣрите, кажется, тому, что у насъ неурожай и голодъ? спросилъ я.

— Э, полноте,—махнувъ рукой, сказала она.—Если бы былъ голодъ, то мужицкіе стоны давно бы донеслись до насъ.

— Но вы, кажется, забываете, что мужикъ не умѣетъ громко стонать. Онъ стонетъ втихомолку и также втихомолку умираетъ.

— Ну, все-таки мы слышали бы,—уже начиная колебаться, сказала она.

И мнѣ много стоило труда, чтобы разубѣдить дѣвушку, что у насъ въ деревнѣ въ то время дѣйствительно былъ неурожай и голодъ, а не „недородъ“ и „недоѣданіе“.

А между тѣмъ, дѣвушка была отзывчивая на все доброе и хорошее.

V.

Въ самой срединѣ „голодной кампаніи“ я уѣхалъ изъ деревни въ „культурный центръ“, чтобы дать успокоиться своимъ истрепаннымъ цѣлымъ рядомъ „голодныхъ картинъ“ нервамъ.

Тамъ встрѣтился съ однимъ своимъ знакомымъ изъ тѣхъ, что въ административныхъ мѣропріятіяхъ видятъ пародное спасеніе.

— Ну, что у васъ тамъ? спросилъ онъ.

— Плохо, отвѣчалъ я.

— Поди, голодъ?

И онъ при этомъ подмигнулъ однимъ глазомъ.

— А то что же? началъ я злиться.

— Ну, конечно, голодъ, продолжалъ тотъ иронизировать. Чуть мужикъ десяти сноповъ съ поля не довезетъ, такъ вы во всѣ колокола на всѣ концы міра готовы кричать, что „у насъ, молъ, голодъ... мужикъ помираетъ... Спасите!..“

— Но, послушай,—разсердился я,—ты, кажется, не вѣришь, что мужику на самомъ дѣлѣ ѣсть нечего?

— Увлекаешься, мой милый,—трепля меня по плечу, сказалъ онъ. Молодъ еще, ну, и видишь все черезъ увеличительныя стекла. У мужика не хватаетъ для бабы на новый сарафанъ, а вы сейчасъ: „голодъ!.. Помогите!..“ Если бы былъ настоящій голодъ, то и администраціи не подъ силу бы этого скрыть. А, тѣмъ не менѣе, ничего такого нѣтъ... Недородъ и недоѣданіе—больше ничего.

Мы расстались врагами.

„Смягчительныя словечки“ были въ то время гашишемъ или морфіемъ, которымъ бюрократія успокаивала общество.

Василій Якимовъ.

Раскрѣпощенная книга *).

Дѣйствительно, раскрѣпощенная. Почти сорокъ лѣтъ злая судьба тяготѣла надъ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ русскаго мыслителя, почти сорокъ лѣтъ, вслѣдъ за первымъ разрѣшеннымъ въ 1867 году цензурой изданіемъ, книга была заперта подъ замокъ, изъята изъ обращенія. Болѣе того: новое изданіе появляется въ 1905 году безъ имени автора.

Отчего? Зачѣмъ? Для кого нужна такая фигура умолчанія?

Подъ небомъ чужимъ, на дальней чужбинѣ, болѣе пяти лѣтъ назадъ успокоилось непокойное сердце изгоя русской дѣйствительности. Автору „Историческихъ писемъ“—П. Л. Лаврову какъ, всѣмъ тѣмъ страдальцамъ за родину-мать, которые дѣйствительно любили ее истинной сыновнею любовью, пришлось претерпѣть до конца и, отряся прахъ родной земли, удалиться изъ Россіи.

Старая бюрократическая Россія не мирилась съ проявленіемъ свободной общественной мысли. Все мыслящее, все умѣющее честно любить и глубоко чувствовать было не ко двору. Въ стоячихъ водахъ болота живется привольно только лягушкамъ и жабамъ... Мутить стоячее болото обреченной на небытіе общественной мысли строго воспрещалось.

Историческія письма П. Л. Лаврова (Миртова) заставляли задуматься, сильнѣе забиться сердце. Они предсказывали грядущую зарю освобожденія личности отъ полицейской опеки, указывали на растущую общественную силу, проводили яркую грань между критикой и вѣрой.

Вліяніе ихъ на молодое поколѣніе было огромно. „Они, говоритъ, біографъ Лаврова,—были настольной книгой, евангеліемъ молодежи въ теченіе всѣхъ семидесятыхъ годовъ“. „Многіе изъ насъ, юноши въ то время, а другіе просто мальчики, не разставались съ небольшой, истрепанной, исчитанной, истертой въ конецъ книжкой. Она лежала у насъ подъ изголовіемъ, и на нее падали, при чтеніи ночью, наши горячія слезы идейнаго энтузіазма, охватывавшаго насъ жаждой жить для благородныхъ идей и умереть за нихъ... И какъ радостно трепетали наши сердца, въ какомъ величіи возставалъ передъ нами образъ лично не знакомаго, но родного нашей мысли, далекаго матеріально, но близкаго къ намъ духомъ своего ученія „добраго учителя“ призывавшаго насъ къ безкорыстной борьбѣ за убѣжденія“.

* * *

„Добрымъ учителямъ“ въ доброе старое время не было мѣста на родинѣ. Время для итоговъ настаетъ. Россія мало по малу начинаетъ прозрѣвать: „зло не вѣчно царить надъ землей“.

*) Историческія письма. Изданіе редакціи „Русское Богатство“. Спб., 1905 г.

Проф. А. С. Поповъ,
избранный директоромъ электро-технического института.

Проф. В. А. Фаусекъ,
первый выборный директоръ высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ.

Проф. В. Я. Косяковъ,
первый выборный директоръ института гражданскихъ инженеровъ.

Кн. А. Г. Гагаринъ,
первый выборный директоръ спб. политехническаго института.

Въ конечное торжество правды, въ великое дѣло прогресса, въ общечеловѣческую роль личности приниженной, но не забитой въ конецъ жупелами реакціи вѣрилъ искренно, пламенно авторъ „Историческихъ писемъ“, и въ этой юношеской вѣрѣ, въ яркости научной мысли и горячемъ призывѣ къ новой жизни заключается главное обаяніе книги Лаврова для массоваго читателя.

„Прошлое отражается въ настоящемъ, настоящее въ прошломъ“—писалъ Лавровъ.

„Въ исторіи нечего искать побасенокъ, небывальщины, но тамъ можно узнать, какъ было, бываетъ и будетъ“.

„Внѣ истины и справедливости,—говоритъ Лавровъ, — прогресса, никогда не существовало. Безъ личной критики не добыта ни одна истина. Безъ личной энергіи не осуществилось ничто справедливое. Безъ вѣры въ свое знамя и безъ умѣнія бороться съ противниками не восторжествовала ни одна прогрессивная партія. Формы культуры требуютъ для своего развитія работы мысли, какъ и въ минувшія тысячелѣтія. Великіе девизы точно такъ же мало застрахованы отъ опасности потерять или измѣнить свой смыслъ“.

Обращаясь къ своимъ читателямъ, авторъ звалъ ихъ на трудную, отвѣтственную работу: они должны „своею мыслью, жизнью, дѣятельностью заплатить свою долю громадной цѣны прогресса, до сихъ поръ накопившейся“; они должны „противопоставить свое убѣжденіе лжи и несправедливости, существующей въ обществѣ“, они должны „образовать растущую силу для усиленнаго хода прогресса“.

То, о чемъ писалъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, Лавровъ совершилось. Его именно читатели—молодая интеллигентная Россія—принесла свою мысль, жизнь и дѣятельность на благо родины, она образовала среди мрака, коснѣнія и плѣсени, объявшихъ родину, свѣжіе побѣги, ту молодую поросль, которая, несмотря на гоненія, преслѣдованія и обиды, осушала стоячее болото.

Теперь оно дрогнуло и по ровной поверхности тины зарябили волны...

* * *

Прошлое отражается въ настоящемъ. Настоящее общественное движеніе имѣетъ корни въ далекомъ прошломъ и только близорукіе политики могутъ считать, что все переживаемое произошло само собою. Въ растущую русскую общественную силу вѣрилъ Лавровъ—одинъ изъ ея первыхъ провозвѣстниковъ.

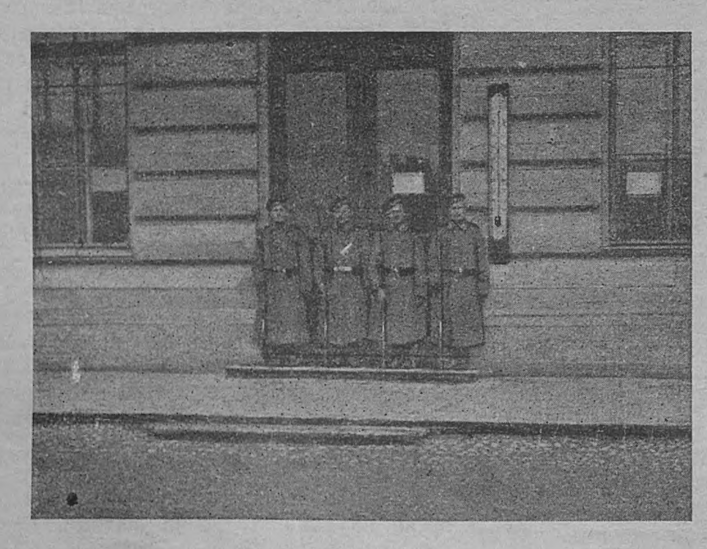
„Чтобы личность почувствовала себя не одинокою, надо, писалъ онъ на зарѣ пробужденія русской общественности, чтобы она узнала, что есть другая личность, не только понимающая, какъ ей тяжело, и почему такъ тяжело, но и дѣйствующая противъ этого зла. Нужно не только слова, нужно дѣло. Нужны энергичные, фанатическіе люди, рискующіе всѣмъ и готовые жертвовать всѣмъ. Нужны мученики, легенда которыхъ переросла бы далеко ихъ истинное достоинство, ихъ дѣйствительную заслугу“.

Сила отдѣльныхъ личностей становится только тогда дѣйствительной силой, когда она организована. Только при такой организаціи силъ пройдетъ „пора безсознательныхъ страданій, и мечтаній, пора фанатическихъ мучениковъ, безрасчетные трудовъ силъ и безполезныхъ жертвъ. И настанетъ пора спокойныхъ, сознательныхъ работниковъ, разсчитанныхъ ударовъ, строгой мысли и неуклонной, терпѣливой дѣятельности“.

Это самый трудный фазисъ, но безъ достиженія его нѣтъ возможности побѣдить. „Его пора подготовить, поддержать и охранить всѣми силами, терпѣливо перенося неудачи, пользуясь каждымъ обстоятельствомъ, не упуская изъ виду никого и ничего“. Онъ самъ собою не создается. „Его надо продумать во всѣхъ его частностяхъ, въ причинахъ и слѣдствіяхъ, въ цѣляхъ и средствахъ. Его надо захотѣть и захотѣть твердо, несмотря на на сотни личныхъ непріятностей, несмотря на утомительную однообразную дѣятельность, незамѣтную и неоцѣненную въ большей части случаевъ“.

Вполнѣ современенъ при теперешней группировкѣ партій завѣтъ Лаврова:

„Только вполнѣ уяснивъ себѣ, доколѣ можетъ идти уступка и гдѣ начинается измѣна дѣлу, личности сходящіяся на это общее дѣло, могутъ организовать сильную и энергическую партію. Если тѣ сходятся съ рѣши-

Осада Технологическаго института. — У дверей института.

Желѣзнодорожная забастовка. — У воротъ Николаевскаго вокзала.

Недавніе дни въ С.-Петербургѣ.

Съ фотографій К. К-ра, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

И. Т. Полуектовъ, членъ смоленской губернской земской управы.

А. В. Иконниковъ, предсѣдатель макарьевской уѣздной земской управы.

Баронъ Р. Ю. Будбергъ, предсѣдатель валуйской земской управы.

В. В. Измайловъ, предсѣдатель борисоглѣбской уѣздной земской управы.

Русскіе общественные дѣятели.

тельною мыслью не уступать ни іоты, имъ и сходиться нечего. Общаго дѣла для нихъ не существуетъ". Однако, слѣдуетъ твердо помнить, что уступка уступкѣ рознь: „Кто уступилъ существенное изъ своего убѣжденія, тотъ вовсе никакого серьезнаго убѣжденія не имѣетъ".

* * *

Общественный прогрессъ, по убѣжденію Лаврова, неизбѣжно зависитъ отъ дѣятельности личностей. Путь борьбы за новое противъ стараго неизбѣжно ведетъ къ группировкѣ возникшихъ партій. Группировка партій есть не что иное какъ принятіе знамени опредѣленныхъ идей, но важно не знамя, важно не слово на немъ написанное,—важна мысль знаменосца.

„Никакое слово не имѣло за собой привилегіи прогресса; онъ не втиснулся ни въ одну формальную рамку. Ищите за словомъ содержаніе".

„Не враги опасны борющимся партіямъ, имъ всего опаснѣе невѣрующіе индифферентисты, которые находятся въ ихъ рядахъ, становятся подъ знаменемъ партій и провозглашаютъ ихъ девизы иногда громче, чѣмъ самые преданные предводители; имъ опасны люди, отвергающіе критику этихъ девизовъ, пока есть еще время для критики, но именно тогда, когда минута наступила, когда надо дѣйствовать, принимающіеся за критику, колеблющіеся и готовые, оставить битву, когда она началась".

Прочныя убѣжденія создаетъ лишь критика. „Критика подготовляетъ дѣятельность, вѣра вызываетъ дѣйствіе". Вѣра можетъ быть двигателемъ истины и лжи, прогресса и реакціи и хотя безъ нея невозможенъ прогрессъ, но сама по себѣ она не есть достаточное условіе прогрессивнаго движенія. „Глубокая вѣра, героизмъ самоотверженія пропадали большею частью даромъ, потому что опирались на недостаточную критику".

Подъ скальпелемъ критики Лаврова понятіе о государствѣ не было отвлеченнымъ понятіемъ. Оно должно заключать реальное содержаніе, ибо въ противномъ случаѣ становится „идоломъ, предъ которымъ приносить кровавыя жертвы безсмысленно, безправственно.

Въ своихъ „историческихъ письмахъ" авторъ желалъ дать читателю возможность понять „нравственный идеалъ, выработанный лучшими мыслителями въ наше время".

Для того же, чтобы лучше понять современный идеалъ, необходимо устранить изъ него всѣ призраки, которые къ нему прилепили преданія, ошибочныя традиціи мысли, вредныя привычки эпохъ.

На развалинахъ стараго созидается молодая жизнь". Во имя этого созиданія первымъ каменщикамъ — строителямъ новаг здзнія, всегда приходится начинать съ разрушенія стараго. Не разрушивъ, не создашь.

За „Историческими письмами" останется навсегда историческое значеніе. Онѣ тѣсно связаны съ исторіей русскаго самосознанія и исторіей русской общественности, и, какъ дорога первая прочитанная въ дѣтствѣ книга, такъ дороги и эти тѣсно связанныя съ воспоминаніями юности „письма".

Юной свѣжестью мысли, размахомъ сильнаго ума вѣетъ отъ нихъ и вѣетъ далекимъ милымъ прошлымъ...

„Прошлое же отражается въ настоящемъ, настоящее въ прошломъ".

Ник. Н—въ.

Историческія параллели.

„Ни одинъ свободный человѣкъ не будетъ схваченъ, посаженъ въ тюрьму, лишенъ насильственнымъ образомъ имущества, не будетъ поставленъ внѣ закона, изгнанъ и какимъ бы то ни было образомъ разоренъ; и мы (т. е. король), не пойдемъ противъ него иначе, какъ по законному приговору равныхъ

На платформѣ Варшавскаго вокзала.—Передъ отходомъ поѣзда.

Чины желѣзнодорожнаго батальона, замѣнявшіе носильщиковъ во время забастовки.

Недавніе дни въ С.-Петербургѣ.

Съ фотографій К. К-ра, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

ему лицъ или по закону страны. Никому мы не будемъ продавать права или суда, никому не будемъ въ нихъ отказывать или задерживать ихъ"... Такъ гласитъ 29 статья, жемчужина, Великой Хартіи вольностей, подписанной вслѣдствіе настойчивыхъ и непреклонныхъ требованій бароновъ Іоанномъ Безземельнымъ въ 1215 году. Есть слова, которыя не старѣютъ и остаются безсмертными для всѣхъ народовъ, для всѣхъ временъ. Къ числу ихъ принадлежатъ и слова Хартіи. Въ нихъ заключаются основы политической свободы народовъ, безъ которой жизнь не жизнь.

Черезъ 10 лѣтъ англичане будутъ праздновать семисотлѣтній юбилей своей свободы. Страшно и стыдно подумать, что уже семь вѣковъ тому назадъ англичане добились того, что мы получили нѣсколько дней тому назадъ. Ходъ историческихъ событій увлекъ и Россію, которая теперь вступаетъ на новый путь, путь представительнаго правленія. И мы должны использовать весь семивѣковой опытъ Западной Европы въ дѣлѣ организаціи народовластія, накопившійся за истекшіе семь вѣковъ, въ теченіе которыхъ представительныя учрежденія, эти палладіумы народной свободы, зрѣли, росли, укрѣплялис., входили въ народное сознаніе, въ кровь и мозгъ народовъ.

Но права, завоеванныя народомъ, получили фактическое признаніе не сразу. Въ 1215 году положено основаніе народовластію, была поставлена первая вѣха на пути отъ безправія къ правовому порядку. Англійскій гражданинъ сталъ таковымъ не сразу, процессъ роста всякихъ свободъ продолжался долго и случаевъ посягательствъ на эти свободы было не мало.

Такъ, въ 1627 г. лордами и общинами Англіи была представлена королю петиція по поводу того, что вопреки существующимъ законамъ правительственные комиссары объѣзжали различныя мѣста, собирали денежныя суммы въ пользу короля и устраивали въ разныхъ мѣстахъ государства военные суды для мирныхъ гражданъ. Вотъ какъ жаловались лорды (п. 7 петиціи о правахъ):

..."появилось много указовъ съ печатью Вашего Величества, въ силу которыхъ извѣстныя лица получили власть и порученіе преслѣдовать военнымъ судомъ

...за убійство, воровство, измѣну, мятежъ и другія преступленія наскоро производить дознаніе, судить, произносить рѣшеніе и приводить въ исполненіе приговоръ, казнить виновныхъ по формамъ военныхъ законовъ и обычаевъ, установившихся въ войскахъ во время войны; (п. 8) подъ предлогомъ этихъ полномочій комиссары приговорили къ смерти много подданныхъ короля, которые если бы даже и заслуживали высшаго наказанія по законамъ и обычаямъ страны, могли бы и должны были бы судиться и подвергаться казни только по этимъ самымъ законамъ и статутамъ; (п. 10) почему они „почтительнѣйше умоляютъ Пресвѣтлое Величество, чтобы на будущее время никого не могли принуждать приносить добровольный даръ, какую-нибудь денежную сумму или доброхотное пожертвованіе, ни платить какой-нибудь повинности или налога безъ общаго согласія, даннаго парламентомъ, чтобы никого не вызывали къ суду, не заставляли приносить клятву, не принуждали къ услугамъ, не задерживали, ни, вообще, какъ-нибудь безпокоили и притѣсняли по случаю этихъ повинностей или отказа ихъ платить; чтобы ни одного свободнаго человѣка не могли задержать вышеуказаннымъ способомъ; пусть Ваше Величество отозвало бы назадъ солдатъ и матросовъ и приняло мѣры, чтобы на будущее время не угнетали такимъ способомъ народа; чтобы порученія о примѣненіи военнаго суда были отмѣнены и уничтожены, и ни къ кому они не могли бы примѣняться, изъ опасенія, что подъ этимъ предлогомъ нѣкоторые ваши подданные могутъ быть казнены вопреки законамъ и вольностямъ страны".

Петиціонеры просятъ далѣе о томъ, чтобы „процессы, приговоры и наказанія не послужили бы примѣромъ для будущаго, ко вреду всей націи; чтобы Его Величество объявило милостиво, для полнаго удовлетворенія и увѣренности народа, что во всѣхъ случаяхъ чиновники будутъ дѣйствовать по законамъ королевства, имѣя въ виду честь Его Величества и благо государства".

По прочтеніи этой петиціи и по уясненіи ея содержанія, королемъ былъ данъ въ полномъ собраніи парламента такой отвѣтъ: „Да будетъ сдѣлано по сему желанію". Королевская власть уступила справедливымъ требованіямъ народа.

Н. С—инъ.

Трафальгаръ.

Англійскій народъ отпраздновалъ на этихъ дняхъ столѣтіе со дня Трафальгарскаго боя, въ которомъ погибъ ея лучшій адмиралъ, краса и гордость британскаго флота, Нельсонъ. Адмиралъ погибъ, но сраженіе было выиграно, и въ результатѣ получилось то англійское господство на моряхъ и океанахъ, которое существуетъ до сихъ поръ и служитъ основой ея промышленнаго и торговаго процвѣтанія. Въ трафальгарскомъ бою Франція потеряла свой флотъ, взамѣнъ котораго французскіе гости въ Лондонѣ получили теперь на празднествахъ кусокъ дубоваго дёрева съ британскаго судна „Victory", на которомъ погибъ адмиралъ Нельсонъ... Этотъ кусокъ дерева, не символизируетъ-ли онъ временное англо-французское соглашеніе, давшее нашимъ союзникамъ французамъ вещи по существу столь же малоцѣнныя... Впрочемъ, позвольте освѣжить въ вашей памяти нѣсколько фактовъ изъ грандіозной эпопеи, разыгравшейся у Трафальгара. Не мѣшаетъ знать, какъ понимали свой долгъ англійскіе, французскіе и испанскіе моряки уже сто лѣтъ тому назадъ, за что награждали людей титулами героевъ тогда. Въ этомъ бою дѣйствительно героями были всѣ,—и побѣдители, и побѣжденные.

20-го октября 1805 года соединенный франко-испанскій флотъ находился близъ Кадикса подъ начальствомъ французскаго адмирала Вильнева, долго не дававшаго вѣстей о себѣ. Возмущенный его молчаніемъ, Наполеонъ I секретно отправилъ вице-адмирала Розильи, поручивъ ему принять командованіе флотомъ. Вильневъ, узнавъ, что Розильи прибылъ въ Мадридъ, догадался въ чемъ дѣло, и тотчасъ же отдалъ приказъ готовиться къ сраженію. Нельсонъ, ожидавшій непріятеля въ открытомъ морѣ, имѣлъ на своей сторонѣ численное превосходство; въ его распоряженіи были 33 судна противъ 27 непріятельскихъ. Французскій флотъ, во время революціи сильно запущенный, едва сталъ возрождаться; англійскій флотъ уже тогда находился въ полномъ расцвѣтѣ, но моряки всѣхъ трехъ флотовъ, по свидѣтельству Нельсона, въ одинаковой мѣрѣ отличались мужествомъ, готовностью умереть или побѣдить; „никто изъ нихъ,—пишетъ другой англійскій адмиралъ,—никто, отъ адмирала до матроса, не допускали и мысли о томъ, что можно пережить гибель судна, на которомъ надо сражаться и либо побѣдить, либо умереть".

Едва противники приблизились другъ къ другу, Вильневъ перешелъ въ наступленіе. Въ этотъ моментъ Нельсонъ сигнализировалъ своимъ судамъ: „Англія расчитываетъ, что каждый изъ васъ исполнитъ свой долгъ".

Раздался первый выстрѣлъ. Ядро сразило испанскаго адмирала Гравину, успѣвшаго только воскликнуть: „Да здравствуетъ Испанія!" И начался страшный бой. Оба адмирала ищутъ другъ-друга. Вильневъ на своемъ „Bucentaure" былъ два раза раненъ, но оставался на посту, пока не наткнулся на „Victory", флагманское судно Нельсона. Англійскій адмиралъ, въ мундирѣ, при всѣхъ орденахъ, давалъ противнику отличный прицѣлъ, но онъ отказался надѣть плащъ, полагая, что этимъ примѣромъ онъ вдохновляетъ товарищей. Черезъ часъ послѣ начала боя его снесли съ мостика раненымъ, истекающимъ кровью. Въ бою флотовъ ужасы сухопутной битвы соединялись съ ужасами морскихъ сраженій. Бой велся вплотную, люди, работая топорами и кинжалами, въ то же время оставались подъ дѣйствіемъ орудійнаго огня. На „Victory" къ концу сраженія было всего десять живыхъ матросовъ, но умирающій Нельсонъ успѣлъ еще выслушать отъ смѣнившаго его адмирала, что побѣда досталась Англіи.

И дѣйствительно, франко-испанскій флотъ потерялъ 18 судовъ, а тѣ, что уцѣлѣли въ бою, погибли отъ бури. Французскихъ и испанскихъ офицеровъ и матросовъ погибло нѣсколько сотъ; Вильневъ, раненый, попалъ въ плѣнъ. „Честь Франціи спасена,—писалъ онъ впослѣдствіи,—мы не щадили своей крови".

Наполеонъ, узнавъ о разгромѣ, пришелъ въ ярость. „Вильневъ, отдай мнѣ мои суда!"—воскликнулъ онъ. Вскорѣ лавры, которыми французы покрылись на сушѣ, заставили ихъ забыть о пораженіи на морѣ. Открывая сессію парламента въ 1806 году, Наполеонъ ограничился одной лишь фразой: „Вслѣдствіе бури мы потеряли нѣсколько судовъ въ бою, неосторожно начатомъ". Никто не возражалъ Наполеону, никто не нашелъ въ себѣ рѣшимости возражать монарху, предъ которымъ Европа трепетала...

Въ апрѣлѣ 1806 года Вильневъ былъ освобожденъ изъ плѣна. Онъ прибылъ въ Реннъ, остановился въ заѣзжемъ домѣ и написалъ морскому министру письмо, въ которомъ просилъ доложить о немъ императору и дать инструкціи. Черезъ шесть дней онъ получилъ отвѣтъ. Прочитавъ его, Вильневъ заперся въ своей комнатѣ, написалъ прощальное письмо женѣ и пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

На слѣдующій день въ газетахъ появился коротенькій анонсъ: „Вильневъ искупилъ свой грѣхъ".

На банкетѣ въ Лондонѣ лордъ-мэръ просилъ французскихъ гостей вѣрить, что англичане питаютъ горячую дружбу къ французамъ, и что память Вильнева имъ такъ же дорога, какъ и память Нельсона.

Лондонъ,
въ октябрѣ 1905 г.

В. Максимовъ.

Печать и печатное дѣло.

(Изъ воспоминаній бывшаго старшаго инспектора типографій).

„Слова и иллюзіи гибнутъ—
факты остаются".
Д. Писаревъ.

Возобновляя въ памяти факты и группируя ихъ для настоящаго очерка, я не могу обойти молчаніемъ нѣкоторыхъ эпизодовъ, которые ярко обрисовываютъ описываемую эпоху, показывая воочію, какими пустяками

занимались наши бюрократы, претендовавшіе на дѣловитость и государственный умъ, въ эти печальной памяти восьмидесятые годы. Въ невинныхъ шуткахъ, анекдотахъ, картиночкахъ и даже въ поздравительныхъ карточкахъ имъ чудилось посягательство на подрываніе государственныхъ основъ и оскорбленіе религіозныхъ чувствъ народа.

Одинъ изъ государственныхъ мужей постоянно осаждалъ градоначальника Грессера письмами, отъ которыхъ даже этотъ суровый, малообразованный человѣкъ, съ принципами будочника Мымрецова—„тащить и не пущать", приходилъ въ ужасъ, находя претензіи и требованія бюрократа—нелѣпыми и вздорными, но въ силу необходимости принужденъ былъ исполнять его требованія, такъ какъ первый пользовался большимъ вліяніемъ.

Я помню, какъ на одномъ изъ совѣщаній инспекторовъ типографій по поводу заведеній печати, происходившемъ у градоначальника Грессера, генералъ получилъ письмо отъ упомянутаго бюрократа. Не распечатывая еще конверта, зная отъ кого онъ присланъ, генералъ Грессеръ воскликнулъ:

— Опять меня N. N. досаждаетъ своимъ вздоромъ и нелѣпыми требованіями. Опять, вѣрно, отыскалъ что-нибудь кощунственное?

На этотъ разъ генералъ былъ правъ. N. N. дѣйствительно сообщалъ, что въ окнѣ антикварнаго магазина Гризаръ онъ замѣтилъ бутылку съ надписью: „Его же и монаси пріемлютъ". Находя эту надпись кощунственною, оскорбляющею религіозное чувство вѣрующихъ и могущею служить соблазномъ для народа, просилъ генерала объ изъятіи подобныхъ бутылокъ изъ продажи.

Градоначальникъ тутъ же поручилъ мѣстному инспектору произвести разслѣдованіе по этому предмету и немедленно доложить ему о результатѣ дознанія.

Инспекторъ отправился въ указанный магазинъ и вотъ, что узналъ: антикваръ Гризаръ, магазинъ котораго помѣщался въ то время по Садовой улицѣ, выставилъ въ окнѣ хрустальное кабарэ, изображающее полштофъ съ дюжиною стаканчиковъ, на которыхъ, какъ и на самомъ кабарэ, была сдѣлана золотомъ надпись—„Его же и монаси пріемлютъ". Кабарэ это было въ единственномъ экземплярѣ и притомъ подержанное, такъ какъ на нѣкоторыхъ стаканчикахъ были отбиты края. Антикваръ цѣнилъ эту вещь очень дорого, какъ старинную, сдѣланную изъ саксонскаго хрусталя.

Инспекторамъ типографій, по иниціативѣ того же бюрократа, вмѣнялось въ обязанность наблюдать за магазинами картинъ, чтобы на окнахъ и витринахъ не помѣщались рисунки духовнаго содержанія рядомъ съ жанровыми картинами, а фотографическіе портреты и карточки Царской Фамиліи не стояли рядомъ съ таковыми же портретами литераторовъ, композиторовъ и актеровъ.

Въ особенности же инспекторамъ было много хлопотъ предъ праздникомъ Пасхи, когда появлялись въ продажѣ поздравительныя карточки съ рисунками, получаемыя массами изъ-за-границы. Карточки съ изображеніями зайцевъ, везущихъ или несущихъ корзины съ крашеными куриными яйцами, допускались только такія, на которыхъ не было отпечатано словъ: „Христосъ Воскресе". Подобныя карточки считались кощунственными, оскорбляющими, будто бы, религіозное чувство народа. Слова „Христосъ Воскресе" могли быть помѣщаемы только на цвѣтахъ или на рисункахъ духовнаго содержанія.

Всѣ торговцы, когда къ нимъ предъявляли подобныя требованія, справедливо негодовали на правительство, которое свободно пропускало упоминаемыя карточки въ таможняхъ и запрещало торговать ими же въ магазинахъ. А между тѣмъ, публика, требовала исключительно только карточекъ съ названными словами.

Подвергались точно также запрещенію и бонбоньерки, на которыхъ имѣлись священныя изображенія. Это тоже считалось кощунствомъ.

Администрація въ такихъ случаяхъ пользовалась собственными средствами, т. е. примѣняла положеніе объ усиленной охранѣ. Всѣ описанныя запрещенія, какъ равно и кары отдавались не секретно.

Бюрократія не стѣснялась, не думала о послѣдствіяхъ и не боялась суда исторіи. Бюрократы думали только о настоящемъ днѣ, памятуя пословицу: „après nous le déluge"! Запрещенія печатались и разсылались по типографіямъ гласно. Вотъ, образчикъ одного изъ многочисленныхъ объявленій, вошедшій въ „Собраніе циркуляровъ", изданное мною отдѣльною книгою въ 1897 году, § 18: „Дефектные листы. Изъ имѣющихся въ главномъ управленіи по дѣламъ печати свѣдѣній видно, что типографіи весьма часто небрежно относятся къ дефектнымъ листамъ печатающихся въ нихъ изданій, употребляя такіе листы на обложки, бандероли и т. п. Такъ: одна типографія употребила дефектный листъ съ священнымъ изображеніемъ на подклейку оборотной стороны обложки календаря; другою же типографіей были употреблены на бандероли для разсылаемаго ею журнала цѣльные дефектные листы, исключенные цензурою изъ печатавшейся въ этой типографіи книги, которые подлежали уничтоженію.

„Въ виду вышеизложеннаго и по приказанію петербургскаго градоначальника, симъ предлагается содержателямъ типографій и литографій обращать болѣе тщательное и строгое вниманіе на употребляемые въ дѣло, остающіеся у нихъ въ заведеніяхъ, дефектные листы, наблюдая, чтобы несоотвѣтствующимъ употребленіемъ таковыхъ не нарушалось требуемаго къ нѣкоторымъ изображеніямъ уваженія".

Въ томъ же „Сборникѣ распоряженій", § 85, имѣется еще и такой циркуляръ отъ 1 мая 1885 года, объявленный заведеніямъ печати: „По приказанію петербургскаго градоначальника, симъ объявляется содержателямъ типографій и литографій, что печата... этикетовъ для папиросъ съ названіями: „Царь", „Царица", „Великій Князь" и т. п. воспрещается".

Но не только запрещалось именовать лучшіе сорта папиросъ „княземъ" или „княгиней", строго воспрещалась помѣщать фотографическіе портреты лицъ Царской Фамиліи на бонбоньеркахъ и коробкахъ, предназначаемыхъ для конфектъ и папиросъ.

И. Карамышевъ.

Изъ судебныхъ остротъ Куперника.

Къ прекраснымъ качествамъ души покойнаго Куперника присоединилось еще блестящее остроуміе. Одна его острота иногда рѣшала исходъ судебнаго дѣла.

Помнится, лѣтъ 20 тому назадъ, проѣздомъ на югъ, я слышалъ, какъ онъ только что выигралъ у казны дѣло, очень маленькое, но считавшееся тогда совершенно проиграннымъ. Въ то время была еще „вольная" продажа водки, однако, питейное дѣло было уже обставлено массою правилъ и, между прочимъ, обязательствомъ закрывать питейныя заведенія въ опредѣленный часъ. Это правило нерѣдко нарушалось содержателями винныхъ лавочекъ, но еще чаще составляло доходную статью для полиціи. Нѣкоторые полицейскіе получали налогъ за нарушеніе правила, другіе находили возможность извлекать мзду и тогда, когда правило соблюдалось: они приходили около времени закрытія винного заведенія и грозили протоколомъ, показывая на казенные часы, заведенные нѣсколько впередъ. Большинство сидѣльцевъ безропотно покорялось и уплачивало полицейскій налогъ деньгами или водкою. Были, однако, и протестующіе—тогда составлялся протоколъ, который въ судѣ считался безспорнымъ декументомъ.

Такъ, однажды, запротестовала старая еврейка. По полицейскому протоколу мировой судья оштрафовалъ ее суммою, для нея очень крупною.

Еврейка слыхала о „лучшемъ адвокатѣ", отправилась къ нему, расплакалась, и сердобольный Куперникъ согласился выйти въ съѣздъ по ея дѣлу.

Появленіе Куперника на съѣздѣ вообще произвело сенсацію. Судьи, помощники присяжныхъ повѣренныхъ и ходатаи терялись въ догадкахъ, какъ могъ блестящій Куперникъ выйти по такому „пустому дѣлу".

Дѣло докладывается. Очередь Купернику говорить. Онъ поднимается и какъ бы машинально вынимаетъ массивные золотые часы, затѣмъ обращаетъ взглядъ на стѣнные часы, лицо его выражаетъ недоумѣніе. За нимъ многіе, даже судьи тоже обращаются къ стѣннымъ часамъ или справляются со своими часами.

— Простите, г. предсѣдатель, у васъ который часъ?

Предсѣдатель изумленъ, но отвѣчаетъ.

— Вотъ видите, гг. судьи, у г. предсѣдателя четверть перваго, у меня уже двадцать минутъ, на стѣнныхъ еще не пробило двѣнадцати. Между тѣмъ, моя кліентка обвиняется въ томъ, что она такого-то числа закрывала свое помѣщеніе съ опозданіемъ на 17 минутъ, что удостовѣряется только приложеннымъ къ дѣлу протоколомъ. Не знаю, какіе были часы у моей кліентки и какіе у г. околоточнаго надзирателя, но я думаю, что не лучше, чѣмъ у г. предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, у меня и, наконецъ, у самого суда, въ помѣщеніи съѣзда, а они у насъ разнятся болѣе, чѣмъ на 20 минутъ. Можно-ли на 17-ти минутахъ г. околоточнаго надзирателя строить обвиненіе, тѣмъ болѣе, что у гг. околоточныхъ надзирателей часы нерѣдко идутъ впередъ, особенно когда они провѣряютъ время закрытія питейныхъ заведеній.

Взрывъ хохота перебилъ рѣчь Куперника Затѣмъ онъ только добавилъ.

—Прошу оправданія моей кліентки.

Кліентка была тотчасъ оправдана.

М. Б—въ.

ПЕРВЫЙ ЗАРАБОТОКЪ МАРКА ТВЭНА.

На вопросъ, помнитъ-ли знаменитый американскій писатель-юмористъ, какъ онъ заработалъ свои первыя деньги,—МаркъТвэнъ разсказалъ слѣдующее. „Когда я еще былъ маленькимъ мальчикомъ, у насъ въ школѣ было объявлено, что за порчу скамеекъ перочиннымъ ножикомъ виновный долженъ заплатить 5 долларовъ или подвергнуться поркѣ. Когда я провинился въ этомъ преступленіи, отецъ мой заявилъ, что онъ не потерпитъ, чтобы имя его подверглось такому униженію, какъ публичная порка сына, и вручилъ мнѣ 5 долларовъ. Однако, чтобы я хорошенько усвоилъ себѣ, что рѣзать скамеекъ не полагается, онъ пригласилъ меня въ свою комнату... Выйдя-

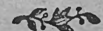

Мистриссъ Асторъ,
жена владѣльца 2,000 домовъ въ Нью-Іоркѣ.
Самыя богатыя американки.
Съ картины Д. Александра, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

оттуда, я подумалъ, что разъ я уже выдержалъ одну порку, могу выдержать и вторую въ школѣ и оставилъ эти 5 долларовъ себѣ. Такъ я заработалъ свой первый „гонораръ“.

ПРЕМІЯ ЗА ВѢЖЛИВОСТЬ.

Своеобразный опытъ былъ произведенъ одной нью-іоркской газетой. Редакція снарядила молодую даму съ порученіемъ ѣздить въ трамваѣ отъ 4½ до 6½ часовъ дня, т. е. въ самое оживленное время, по Бруклинскому мосту и дожидаться, пока одинъ изъ случайныхъ спутниковъ-мужчинъ предложитъ ей свое мѣсто. Такому господину она должна вручить чекъ на 20 рублей. Этотъ опытъ былъ предпринятъ съ цѣлью воочію представить, какое, нигдѣ не имѣющее себѣ подобнаго, неуваженіе къ женщинѣ господствуетъ на этихъ бруклинскихъ трамваяхъ. Г-жѣ Катаринѣ Кингъ, согласившейся принять въ опытѣ участіе, пришлось сдѣлать 7 концовъ по мосту, пока нашелся мужчина, которому могъ быть по праву врученъ чекъ на 20 рублей. Она уже почти совершенно отчаялась, когда, наконецъ, въ одномъ вагонѣ, гдѣ стояли 32 дамы, нѣкій портняжный подмастерье, замѣтивъ, что она близка къ обмороку, предложилъ свое мѣсто. Получивъ затѣмъ чекъ на 20 рублей, онъ долгое время отказывался, считая себя жертвой шутки или пари. Слѣдовало бы, въ сущности, довести опытъ до конца. Надо было послать молодого человѣка, чтобы онъ предлагалъ свое мѣсто, безъ долгихъ разговоровъ, каждой дамѣ. Пусть бы онъ запоминалъ, многія ли изъ каждыхъ 100 дамъ сказали ему „спасибо“ или хоть посмотрѣли на него съ благодарностью. Не рѣдкость услышать, въ отвѣтъ на предложеніе мѣста, и такую фразу, какъ „я хочу стоять“, причемъ это „хочу“ звучитъ подавляюще. Кто наслышался и навидался подобныхъ явленій, у того, естественно, пропадаетъ и всякая охота уступать свое мѣсто дамамъ.

Злободневное изобрѣтеніе.—Нѣмецкая автоматическая машина для водворенія порядка на улицахъ.
Съ рисунка М. Шабера, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

No. 5 КОБЕ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 21-го АВГУСТА 1905 ГОДА.

Японія и Россія

Первая страница русской газеты „Японія и Россія“, издаваемой въ Кобе, въ Японіи.
(Помѣщенные подъ заголовкомъ два портрета изображаютъ ген.-м. Фсажиро Хонго, главнаго начальника японскаго справочнаго бюро о военно-плѣнныхъ, и ген.-м. Синроку Имимото, занимавшаго ранѣе этотъ же постъ).

Мистриссъ Макай,
вдова покойнаго „серебрянаго короля“ Джона Макай, владѣльца копей въ Калифорніи.
Самыя богатыя американки.
Съ картины Д. Александра, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (С. М. Проппера), Спб., Галерная, соб. д. № 40. Редакторъ-издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом.“ С. М. Проппер.